

Формирование основных подходов в изучении истории русского масонства в XIX – начале XX вв.

Аннотация. Предметом исследования в данной работе является историография русского масонства. В статье проведена реконструкция основных трудов по истории русского масонства XIX – начала XX вв. Критически рассмотрены основные подходы русских историков к оценке деятельности масонских организаций. Исследовались работы: Н. Н. Карамзина, Н. Н. Лонгинова, А. Н. Пыпина, П. И. Мельникова, Т. О. Соколовской, С. П. Мельгунова, Г. В. Вернадского, В. О. Ключевского, В. И. Семевского и др. Методом исследования явился историографический анализ различных взглядов отечественных историков, занимавшихся изучением развития масонства в России. Научная новизна исследования заключается в историографической реконструкции трех основных подходов к изучению истории русского масонства: либерально-демократического, национально-консервативного и публицистического. Показаны принципиальные различия во взглядах исследователей масонской проблематики. Авторами обоснована историографическая гипотеза, что именно апологетический подход к изучению масонства со стороны исследователей либерального направления и негативный подход к масонству авторов национально-консервативного направления послужили одной из причин закрытия исследований масонской проблематики в советской исторической науке. Авторы приходят к выводу, что рассмотренные подходы содержали элементы научного анализа, но отличались политическими пристрастиями исследователей. Консервативно-националистический подход явился односторонним выражением защиты монархического строя. Представителями либерально-апологетического подхода сущность русского масонства сводилась в основном к литературно-просветительской и благотворительной деятельности без учета мистической составляющей скрытых политических устремлений и тайных намерений известных русских масонов.

Ключевые слова: масонская тематика, публицистический подход, публицистическое направление, просветительская идеология, русская историческая наука, либеральное направление, общественное движение, масонство, иллюминаты, конспирология.

Abstract. The research subject of this article is the historiography of Russian Freemasonry. The authors conduct a reconstruction of the main works on the history of Russian Freemasonry in the 19th–20th centuries. The main approaches of Russian historians evaluating the activity of Freemasonry organizations are also critically analyzed. The works of the following authors were examined: N. N. Karamzin, N. N. Longinov, A. N. Pypin, P. I. Melnikov, T. O. Sokolovsky, S. P. Melgunov, G. V. Vernadsky, V. O. Klyuchevsky, V. I. Semevsky and others. The article's methodology consists of a historiographical analysis of the various perspectives held by the Russian historians studying the development of Freemasonry in Russia. Meanwhile the article's scientific novelty lies in its historiographical reconstruction of three main approaches to the study of the history of Russian Freemasonry: liberal-democratic, national-conservative and publicistic works. The article demonstrates the fundamental differences in the perspectives of scholars studying the topic of Freemasonry. The authors substantiate the historiographical hypothesis that it was the apologetic approach to the study of Freemasonry of liberally-oriented scholars and the negative approach towards Freemasonry put forward by the national-conservative approach that served as one of the reasons why research on the subject of Freemasonry was closed in the Soviet historical studies. The authors come to the conclusion that the analyzed approaches contained elements of scientific analysis, but stand out in the political sympathies of their authors. The conservative-nationalistic approach was a single-sided defense of monarchy. Meanwhile the representatives of the liberal-apologetic approach reduced the essence of Russian Freemasonry mainly to literary-educational and charitable activities, excluding the mystical component of the hidden political ambitions and secret intentions of the famous Russian Masons.

Key words: masonic theme, publicistic approach, publicistic direction, enlightening ideology, Russian historical sciences, liberal direction, social movement, freemasonry, illuminats, conspiracy theory.

Актуальность данной работы связана, в первую очередь, с возросшим в последние два десятилетия в России общим интересом к масонской тематике и появлением большого количества литературы, включая многочисленные переиздания работ дореволюционных и русских эмигрантских авторов, а также с происходящим в 90-х годах XX века и начале XXI в. возрождением масонства в нашей стране и распространением различных парамасонских течений.

Учитывая, что большинство интересующихся историей российского масонства, знакомится с данной тематикой по разнообразной и разнородной по содержанию и качеству исторической, а порой и псевдо-исторической литературе, назрела научная и общественная потребность в детальном историографическом анализе данной литературы.

Также следует учесть, что значительная часть работ по истории масонства носит научно-публицистический, а порой и псевдонаучный характер. Грани между публицистикой и научным исследованием в этой области исторического исследования ярко не выражены. Подчеркнем: публицистический подход может представлять научный интерес как показатель отношения к масонству определённых общественных групп в определённый исторический период.

Источниковедческой базой в историографическом исследовании масонства является, в принципе, весь обширный пласт литературы, посвящённой истории российского масонства, – причём, как собственно исторические исследования, так и многочисленные публицистические оценки масонства, а также мемуарные свидетельства лиц, так или иначе соприкасавшихся с масонством.

Что касается собственно историографических работ, посвящённых изучению истории российского масонства и содержащих критический анализ такого рода исследований, то данные работы в российской исторической литературе появляются лишь в последние годы. Следует, впрочем, оговориться, что и прежде некоторые отечественные авторы, исследуя масонскую проблематику, давали в своих работах краткий историографический обзор предшествующих исследований по данной теме. Также в критико-биографических исследованиях, посвящённых отдельным русским историкам, занимавшимся масонской тематикой, давалась порой оценка и этого направления их научной деятельности.

Можно утверждать, что именно с появлением обзорных научных работ, охватывающих историю российского масонства в целом, появляются и обзоры, предшествующей историографии российского масонства, как правило, в составе вступительных глав монографий. Речь идёт о появлявшихся ещё в дореволюционной и эмигрантской литературе обзорах истории масонства – носивших, как правило, небеспристрастный характер, поскольку авторы старались изложить свою точку зрения, не забываясь ознакомить читателя с иными, отличными от собственных взглядов на данную проблему.

Для осмысления общих аспектов изучения истории русского масонства большое значение имеют фундаментальные дореволюционные работы, авторов национально-консервативного направления русской общественной мысли: Архимандрит Фотий (Спасский), Н. А. Бутми, С. А. Нилус, А. С. Шмаков, И. И. Лютостанский [1 – 5].

В русской эмигрантской литературе наиболее многоаспектные исследования истории русского масонства представлены в трудах таких выдающихся русских мыслителей, как: Б. А. Башилов, Н. Н. Берберова, Г. В. Бостунич, В. Ф. Иванов, С. П. Мельгунов, Н. Е. Марков, А. И. Череп-Спиродович [6 – 12].

Подходы к изучению истории русского масонства, разработанные в русской дореволюционной и эмигрантской литературе, в наше время реконструируются в многочисленных работах О. А. Платонова, которые наполнены значительными историографическими и архивными материалами [13 – 17]. Также следует отметить работу В. М. Острецова, где осуществлен духовно-религиозный подход к изучению идеологии и философии масонства [18].

Принципы научно-исследовательской работы, предполагающие предварять изложение материала обзором имеющихся источников и историографии, применительно к отечественной литературе по истории масонства вполне утверждаются лишь в 1990-е гг. – начале 2000-х гг. Именно в эти годы появляются содержательные монографии известных ученых советского и постсоветского времени: А. Я. Аврех, В. С. Брачев, В. И. Сахаров, А. И. Серков, В. И. Старцев, О. Ф. Соловьёв [19 – 25].

Проблемы историографии масонства затрагивал также проф. В. Э. Багдасарян в своей многоплановой диссертации «Теория заговора» в отечественной историографии второй

половины XIX – начала XX в.» [26]. Рассматривая обстоятельства зарождения отечественной конспирологии и характеристики различных форм политических заговоров в российской либеральной и консервативной историографии второй половины XIX – начала XX вв.

В. Э. Багдасарян касался и первых выходов на тему «масонского заговора» в российской исторической литературе данного периода – у таких авторов, как: А. Н. Пыпин, В. И. Семевский, Т. О. Соколовская, М. А. Бутми, С. Д. Толь, Г. В. Вернадский и других.

Можно отметить, что конспирологические теории не всегда оправдано увязывать с масонской проблематикой, и тем более неоправданно сводить роль масонства к политическим заговорам, – в противном случае возникают попытки рассматривать масонство как источник всех социальных потрясений.

Выявление особенностей развития отечественной историографии масонства является важной составляющей процесса изучения масонской проблематики в целом и даже шире – изучения истории общественной мысли и общественных движений России. Сопоставляя и анализируя различные типы исследования масонской проблематики, можно вывести критерий научности применительно к данной теме.

Таким образом, целью данного исследования является как общий историографический анализ разнообразной литературы, связанной с изучением истории российского масонства, так и выявление основных подходов в российском масоноведении на начальном этапе его развития.

Первым из отечественных историков к масонской тематике обратился Н. М. Карамзин в своей «Записке о Н. И. Новикове» (1818), адресованной императору Александру I в связи с кончиной Н. И. Новикова и содержавшей просьбу о «вспомоществовании» его детям. Данная записка не являлась собственно историческим исследованием, но содержала краткий ознакомительный очерк о московских мартинистах времён Екатерины II – и, в частности, об обстоятельствах, возникших против них правительственных гонений.

Н. М. Карамзин в следующих определениях характеризовал масонство «новиковского времени»: «Их общество, под именем масонства, распространилось не только в двух столицах, но и в губерниях; открывались ложи, выходили книги масонские, мистические... Императрица,

опасаясь вредных тайных замыслов сего общества, видела его успехи с неудовольствием... Французская революция и излишние опасения московского градоначальства решили судьбу Новикова: его взяли в Тайную экспедицию, допрашивали и заключили в Шлиссельбургской крепости, не уличённого действительно ни в каком государственном преступлении, но сильно подозреваемого в намерениях, вредных для благоустройства гражданских обществ... Новиков как теософический мечтатель, по крайней мере, не заслуживал темницы; он был жертвой подозрения» [27, с. 325-326].

Известно, что Н. М. Карамзин, в пору юности своей в 1780-х гг. сблизившийся с Н. И. Новиковым и вовлечённый им в круг московских мартинистов – совершил за их счёт путешествие в Европу в 1789 – 1791 гг., но по возвращении в Россию отошёл от масонства и репрессиям по делу московских мартинистов не подвергался. Впоследствии, Н. М. Карамзин, в конце 1800-х – начале 1810-х гг., будучи одним из вдохновителей консервативно-аристократической оппозиции намечавшимся реформам М. М. Сперанского, в своей направленной Александру I записке «О древней и новой России» обличал, в сущности, масонско-космополитический характер программы государственных преобразований М. М. Сперанского.

Таким образом, апология Н. И. Новикова для Н. М. Карамзина являлась не проявлением масонской солидарности, но долгом чести по отношению к покойному другу юности и данью памяти Н. И. Новикова как искренне почитаемого им просветителя – и, наконец, попыткой исторической оценки деятельности Н. И. Новикова и его круга московских мартинистов.

Примечательно, что схожую оценку масонов-мартинистов «екатерининской эпохи» вслед за Н. М. Карамзиным дал А. С. Пушкин – в своей статье «Александр Радищев» (1836), предназначенной для публикации в одном из первых номеров журнала «Современник», но увидевший свет лишь много позже. «В те времена, – писал русский поэт, – существовали в России люди, известные под именем мартинистов. Мы ещё застали несколько стариков, принадлежавших этому полуполитическому, полурелигиозному обществу... Люди, находившие свою выгоду в коварном злословии, старались представить мартинистов заговорщиками и приписывали им преступные политические виды... Нельзя отрицать, что многие из них не принадлежали к

числу недовольных; но их недоброжелательство ограничивалось... порицанием настоящего..., надеждами на будущее и двусмысленными тостами на франкмасонских ужинах» [28, с. 190].

Стоит обратить внимание на то, что А. С. Пушкин отмечал определённую склонность масонов к политиканству (вопреки собственным масонским заверениям о полном их отстранении от современной политики), но не придавал тому особого значения – что вполне справедливо применительно к московским мартинистам «екатерининской эпохи».

Относительно «конспирологической» версии, согласно которой гибель А. С. Пушкина явилась следствием направленного против него «масонского заговора» – якобы в отмщение за раскрытие им, или во избежание возможного раскрытия «масонских тайн», в которые он оказался посвящён, можно полагать следующее. Будучи во время своей южной ссылки в начале 1820-х гг. А. С. Пушкин был принят в бессарабскую ложу «Овидий», но не поднялся выше «ученической» степени посвящения – вскоре же поэт оставил масонство (в связи с «усыплением» масонских лож в России после их официального запрета указом Александра I в 1822 г.), – так что вряд ли А. С. Пушкин мог быть посвящён в какие-либо «масонские тайны» сколько-нибудь более, чем множество других «младших братьев».

Собственно научные исследования по истории российского масонства появляются позже, в середине XIX века. Связано это как с развитием русской исторической науки в целом и, соответственно, расширением круга изучаемых тем и более углублённым подходом к отдельным проблемам, так и с либерализацией общественной атмосферы накануне и во время «Великих реформ» Александра II. Все это сделало возможным объективно-научное рассмотрение проблем истории тайных обществ в России – темы, прежде в значительной мере закрытой для гласного обсуждения, помимо их официальной трактовки.

Одним из первых в этот период к масонской тематике обращается известный литературовед, и вместе с тем историк русской общественной мысли, М. Н. Лонгинов, опубликовавший в 1857 г. работу «Новиков и Шварц. Материалы для истории русской литературы и просвещения XVIII века». Дальнейшие его изыскания в этой области привели к изданию десять лет спустя обстоятельной монографии «Новиков и московские мартинисты» (1867). По оценке,

данной современным исследователем, «богатый архивный материал, введённый в научный оборот автором... делает её необходимым пособием для историка и по сей день» [20, с. 25].

Можно отметить, что поначалу большинство исследований по истории российского масонства касались преимущественно личности и деятельности Н. И. Новикова, его времени, его круга – известных «московских мартинистов». Прежде всего, яркая личность и драматическая судьба самого Н. И. Новикова и делали именно этот период истории российского масонства наиболее приметным – в значительной мере идейно-привлекательным (созвучным собственно их эпохе и её проблемам) для русских историков второй половины XIX века. Так, после публикации первой работы по масонской тематике М. Н. Лонгинова появляются в печати такие исследования, как «Московские масоны прошедшего столетия» С. В. Ешевского (1864), «Дело Новикова и его товарищей» А. Н. Попова (1868), «Дополнение к истории масонства» П. П. Пекарского (1869).

Ведущим исследователем данного периода в области истории российского масонства являлся, несомненно, А. Н. Пыпин. Будучи одним из основателей и соредактором либерального научно-литературного журнала «Вестник Европы», А. Н. Пыпин публикует на его страницах статьи «Русское масонство в XVIII веке» (1867, № 2), «Русское масонство до Новикова» (1868, №№ 6,7), «Розенкрейцеры» (1871, №№ 1,2). Затем им был составлен и опубликован «Хронологический указатель русских лож от первого введения масонства до запрещения его» (1873) – своего рода краткая энциклопедия российского масонства XVIII – начала XIX вв. В 1916 г. все вышеперечисленные работы были переизданы отдельным сборником под названием «Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX века».

Изученные материалы по истории российского масонства эпохи Александра I были использованы А. Н. Пыпиным в его обширной монографии «Общественное движение при Александре I» (1871). В этой работе, по замечанию В. С. Брачева, «А. Н. Пыпин первым в нашей историографии обратил внимание на масонскую подоплеку восстания декабристов» [20, с. 26].

В целом для А. Н. Пыпина и других отечественных исследователей истории российского масонства было характерно либерально-аполитическое освещение темы. Масонство «новиковского периода» рассматривалось ими как

характерная для той эпохи своеобразная форма просветительства – и как своего рода «колыбель» русской интеллигенции.

Следует заметить, что утвердившееся в России с 1860-х гг. понимание интеллигенции как наиболее просвещённой части общества, нацеленной на служение общественному благу – на содействие общему совершенствованию нравов, – также масонского происхождения. П. Д. Боборыкин во время своего пребывания во Франции становится масоном и затем внедряет в русскую общественную мысль термин «интеллигенция», взятый им из немецкой философской литературы.

Примечательно также, как показатель возросшего общественного интереса к истории масонства, обращение к масонской тематике в русской художественной литературе второй половины XIX в. – в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» и в последующей исторической беллетристике: «Масоны» А. Ф. Писемского, «Великий Розенкрейцер» Вс. С. Соловьёва. Масонство трактовалось авторами и воспринималось читателями как одно из проявлений преходящих «светских причуд» минувшего века.

Несколько вразрез с преобладающим мнением прозвучало замечание писателя, исследователя истории старообрядчества и сектанства в России П. И. Мельникова, сделанное им в статье «Тайные секты» («Русский вестник», 1868, №5), об оккультно-сектантских тенденциях в российском масонстве. «Во многих местах последователей тайных сект, – отмечал автор, – зовут фармазонами (испорченное слово «франк-масон»), считая это название синонимом волшебника, отрекшегося от Бога и от всего святого... Народ, всегда зоркий и чуткий, подметил таинственные сношения масонов с последователями тайных сект хлыстовщины и назвал их этим именем» [29, с. 490].

Отличное от либерально-апологетического представление о масонстве распространяется в народе, очевидно, со времени достаточно нашумевшего дела «московских мартинистов» и образует почву для последующего разрастания версии о «масонском заговоре» против православной Церкви и российской государственности.

Новые значительные исторические исследования, посвящённые российскому масонству, появляются в 1890-х гг., и следуют в русле намеченной ранее традиции – посвящены были в основном Н. И. Новикову и его «собратям»

по московскому масонству конца XVIII века. Из работ «новиковского цикла» следует назвать «Очерки по истории русского масонства в XVIII веке» (1890) С. А. Петровского и «И. В. Лопухин. Его масонская и государственная деятельность» (1901) А. И. Суровцева.

Примечательно обращение к масонской тематике – к тому же периоду и к тем же персоналиям – великого русского историка В. О. Ключевского в его докладе «Воспоминания о Н. И. Новикове и его времени», прочитанном 13 ноября 1894 г. на заседании «Общества любителей российской словесности» при Московском Университете и опубликованного затем в журнале «Русская мысль» (1895, №1).

Превознося просветительскую деятельность Н. И. Новикова (можно отметить, кстати, что к концу XIX в. Н. И. Новиков становится для московской интеллигенции культовой фигурой – символом русского просветительства и одной из ярких персоналий «мартиролога русской интеллигенции»), В. О. Ключевский признавал небезосновательными подозрения в адрес «московских мартинистов» во враждебных православной Церкви идеологических поползновениях. «Их (здесь, – масонов, – В. Е., И. К., Е. А.) христианские добродетели сильно омрачены этою сектантскою тенью», – отмечал русский историк [30, с. 385]. Однако В. О. Ключевский сам же и опровергал свои замечания: «Они больше масонствовали, чем были масонами..., вступили в состав «малого избранного народа» вольных каменщиков только для того, чтобы самих себя переработать в пригодные камни для мысленного храма Соломонова, т.е. для будущего идеального русского общества» [30, с. 385].

Таким образом, В. О. Ключевский признаёт большое общественно полезное значение деятельности Н. И. Новикова и масонов новиковского круга и в целом разделяет одобрительный подход к российскому масонству последних полутора столетий, характерный для либеральных русских историков конца XIX в. – вместе с тем оговаривается относительно «сектантской тени» и «малого избранного народа».

Новый всплеск публикаций на масонскую тематику в России происходит в начале XX в. в связи с возрождением российского масонства, как политического масонства, представлявшего собой поначалу ответвление «Великого Востока Франции» – обособившегося в 1912 г. как «Великий Восток народов России», – так и различных парамасонских объединений. Учитывая возрос-

ший общественный интерес к масонству и ослабление правительственной цензуры, прежде несколько сдерживавшей возможность публикаций такого рода, возобладали статьи и монографии популяризаторского и разоблачительного характера.

Из наиболее популярных и плодотворных авторов того времени, работавших в жанре исторического очерка и посвятивших себя почти исключительно масонской тематике, следует назвать Т. О. Соколовскую. Ей принадлежат такие вышедшие отдельными изданиями очерки истории российского масонства, как «Масонство в теории и жизни» (1906), «Русское масонство и его значение в истории общественного движения XVIII и первой четверти XIX столетия» (1907), «Капитул Феникса. Высшее тайное масонское правление в России (1778 – 1822)» (1916), а также отдельные журнальные публикации: «Масонство как положительное движение русской мысли в начале XIX века» (Всемирный вестник, 1905, № 5), «Обрядность прежнего русского масонства» (Русская старина, 1906, № 11), «Масонские знаки» (Столица и усадьба, 1917, №№ 8-9).

В сущности, Т. О. Соколовской была предпринята попытка дать общий обзор истории российского масонства с более подробным рассмотрением отдельных его сторон. Наиболее обстоятельной из перечисленных работ была монография «Русское масонство и его значение в истории общественного движения (XVIII и первая четверть XIX столетия)», где был дан достаточно подробный, с привлечением собственных архивных изысканий автора очерк истории российского масонства до запрета его в 1822 г. указом императора Александра I.

Исследование Т. О. Соколовской завершилось знаменательным выводом: «Масонство ... сыграло крупную роль в истории русского общественного движения... Своими обличительными речами, своею критикою различных неурядков и неурядков в государственно-общественной жизни они, несомненно, в своей массе, составили оппозиционный элемент... Оппозиция, представляемая масонством, стало угрожающею, и его закрытие, как института не только не тайного, но наоборот, принявшего слишком явный характер, стало для правительства настоятельною необходимостью и естественным концом для масонства. Наконец, масонство в своей массе подготовило почву для развития конституционных и даже республиканских идей и в этом

отношении явилось предтечей декабристов» [31, с. 124-125].

Таким образом, российское масонство начала XIX в. однозначно было связано с зарождавшимся «освободительным движением». В исследовании «Капитул Феникса. Высшее тайное масонское правление в России (1778–1822)» рассматривалась деятельность российских масонских лож конца XVIII – начала XIX вв., принадлежавших к так называемой «шведской системе», носившей консервативно-аристократический характер. Под «высшим тайным масонским правлением» подразумевалось собственно масонское руководство, оказывавшее, впрочем, косвенное воздействие на политическое развитие России в целом.

Т. А. Соколовской высказано было соображение (основанное преимущественно на семейных преданиях – но достаточно убедительное), что и после запрета на масонство в России в 1822 г. отдельные ложи «шведской системы», тщательно соблюдая правила конспирации, продолжали собираться и взаимодействовать вплоть до 1860-х гг.

Наконец, уже в 1920-х гг. Т. А. Соколовской, оставшейся в Советской России и занимавшейся музейной работой (скончалась в 1942 г. в блокадном Ленинграде), написаны были исследования «О масонстве в прежнем русском флоте» и «Новые данные для истории русского масонства», оставшиеся неопубликованными полностью. Частично данные материалы были опубликованы в сборнике «Тайные архивы русских масонов» (2007).

Следует отметить также работы В. И. Семевского, известного русского историка, литературоведа и публициста, редактировавшего популярные исторические журналы «Русская Старина» и «Минувшие годы», – работы, посвящённые идейному вызреванию декабристов в связи с масонством эпохи Александра I. Это монография «Политические и общественные идеи декабристов» (1905) и цикл статей «Декабристы-масоны» (Минувшие годы, 1908, №№ 2, 3, 5-6). Автор, придерживавшийся либерально-демократических взглядов, рассматривал российское масонство начала XIX в. именно, как масонство «иллюминатское» – оплот «просвещенчества» и своеобразную школу зарождавшегося «освободительного движения».

Освоенный уже прежними исследователями материал по истории российского масонства был использован такими авторами, как А. В. Ме-

зьер в книге «В поисках правды и смысла жизни. Очерки из истории русского масонства» (1906) и В. И. Тукалевским «Искания русских масонов» (1911). Для углубления в проблемы масонской идеологии – масонского «богоискательства» в его социально-этических аспектах, характерно, что и масонский мистицизм рассматривался указанными авторами в либерально-просветительском духе – как проявление религиозно-философского свободомыслия.

Своеобразным увенчанием дореволюционных отечественных публикаций по истории российского масонства было появление коллективного научно-исторического сборника в двух томах под редакцией С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова: «Масонство в его прошлом и настоящем» (1914-1915) [32].

В статьях, вошедших в сборник охватывалась история европейского, а также и североамериканского и российского масонства до середины XIX века. Предполагалась подготовка к изданию и третьего тома по истории масонства второй половины XIX – начала XX вв. – не состоявшаяся, очевидно, в связи с начавшимися «великими потрясениями».

Собственно истории российского масонства были посвящены вошедшие в сборник статьи А. В. Себеки «Русское масонство в XVIII веке», В. И. Тукалевского «Н. И. Новиков и И. Г. Шварц», Н. К. Пиксанова «И. В. Лопухин», Е. И. Тарасова «Московское Общество розенкрейцеров (Второстепенные деятели масонов)», М. В. Довнар-Запольского «Семён Иванович Гамалея» и «Правительственные гонения на масонов», И. Н. Розанова «Михаил Матвеевич Херасков», Е. С. Шумигорского «Император Павел I и масонство», Т. О. Соколовской «Возрождение масонства при Александре I» и Н. К. Кульмана «Максим Иванович Невзоров».

Таким образом, охвачены были все наиболее примечательные эпизоды истории российского масонства XVIII – начала XIX вв. и наиболее значительные персоналии этого периода (в оценках преобладал характерный для либеральной историографии апологетический подход к масонской тематике).

На рубеже эпох к истории русского масонства обращается выдающийся русский историк и мыслитель, будущий основоположник «евразийского» направления русской исторической мысли Г. В. Вернадский. В 1917 г. он защищает на историко-филологическом факультете Петроградского университета магистерскую дис-

сертацию на тему «Русское масонство в царствование Екатерины II». Предшествовала тому публикация в 1916 г. интересной статьи «Два лика декабризма» (издана была отдельной брошюрой – небольшим тиражом за счёт автора), где Г. В. Вернадский выводил декабристское «освобожденчество» именно из присущего им романтического мистицизма, привитого околомасонским окружением. Характерно, что такие известные деятели русской культуры как, например, Ф. Н. Глинка, А. С. Грибоедов, П. А. Чаадаев, причастные к «делу 14 декабря» и достигшие прежде достаточно высоких степеней в масонстве, – были противниками насильственного переворота и своевременно отмежевались от радикалов.

В 1918 г. также отдельной брошюрой в Петрограде выходит историко-биографический очерк Г. В. Вернадского «Николай Иванович Новиков», где присутствовал новый взгляд на «заезженную» уже тему. Новиковское просветительство Г. В. Вернадский рассматривал как проявление идущего из глубины веков «русского богоискательства».

Примечательно, что к той же теме (мировоззрение и деятельность Н. И. Новикова) обратился и Г. В. Плеханов в своей «Истории русской общественной мысли», над которой он работал на протяжении многих лет своей жизни в эмиграции. Полностью книга была опубликована лишь после его смерти, в 1925 г. в собрании сочинений, изданном в Москве и Ленинграде.

Высоко оценивая просветительский характер раннего периода литературно-издательской деятельности Н. И. Новикова, Г. В. Плеханов подчёркивал, что по мере погружения Н. И. Новикова в «масонские таинства» нарастал его политический индифферентизм – и мировоззрение его, в сущности, принимало всё более консервативный характер.

Г. В. Плеханов следующим образом характеризовал мировоззрение Н. И. Новикова: «Теперь он «просвещал» людей в духе настоящего «кладбищенства»... Содержание его «философской мысли» сводилось к нескольким избитым фразам о премудрости творения, недоступной уму «неверующих», и о безнравственности этих последних... На науку он глядел сверху вниз, как смотрят на неё все мистики, считающие себя обладателями высшего знания... Если царство Божие внутри нас, то главная наша работа должна заключаться в том, чтобы стать в надлежащие отношения к Божеству. А эти отношения луч-

ше всего понимаются с точки зрения вечности. Точку зрения вечности и усвоил себе Новиков, сделавшись масоном. А когда он усвоил её, тогда земная жизнь – как временная – утратила цену в его глазах» [33, с. 60-67].

Таким образом, Г. В. Плеханов предпринял первую попытку разоблачения либерального мифа о Н. И. Новикове «слева» – доказывая, что распространяемые Н. И. Новиковым (в пору его пребывания в круге «московских мартинистов» и активной издательской деятельности) идеи носили скорее антипросветительский характер.

Характерно, что Г. В. Плеханов, как убежденный материалист, религиозность приравнивал к «кладбищенству» и считал несовместимой с общественно-полезной деятельностью. При этом Г. В. Плеханов, противореча вроде бы самому себе, ставил вопрос: «Почему мистики показали себя гораздо более склонными к работе в области филантропии и просвещения (как они его понимали), нежели вольтерьянцы?» [33, с. 69]. Г. В. Плеханов объяснял этот феномен, прежде всего, вовлечением в новиковские предприятия зарождавшейся разночинной интеллигенции.

В заключении главы «Деятельность Н. И. Новикова» в своей «Истории русской общественной мысли» Г. В. Плеханов, произведя критическую переоценку общественной роли Н. И. Новикова, тем не менее также признаёт его «жертвой» самодержавно-крепостнического строя и включает, соответственно в «мариолог русской интеллигенции». «Грустно становится при воспоминании о перенесённых им страданиях и о тех до последней степени неблагоприятных условиях, в которых совершалось его умственное развитие и которые привели его в тупой переулок кабалистики, магии и прочих «знаний». Поистине, Новиков заслуживал гораздо лучшей участи», – отмечал Г. В. Плеханов [33, с. 80].

Для сравнения можно отметить, что в относящихся к тому же периоду «Очерках по истории русской культуры» П. Н. Милокова оценка просветительской деятельности Н. И. Новикова и его сподвижников носила вполне традиционный для российской либеральной историографии характер.

В советской исторической литературе, посвящённой русскому просветительству второй половины XVIII века оценка Г. В. Плехановым «жертвенного» своеобразия «новиковского просветительства» не получила однозначного признания.

Исследуя историографию масонства указанных периодов, мы видим, что активизация

исследовательских работ по масонскому вопросу была связана с активизацией собственно масонской деятельности.

Появление первых научных исследований по истории российского масонства во второй половине XIX в. сочеталось с «общественным брожением» периода «Великих реформ» Александра II и возросшим общественным вниманием к проблеме политических заговоров и различным формам тайной политической деятельности.

Для русских историков указанных периодов, обращавшихся к масонской тематике, преимущественно к истории российского масонства новиковского периода, был характерен апологетический подход – в силу собственных либерально-просветительских взглядов, истоки которых они находили именно у «московских мартинистов» конца XVIII века. Соответственно, сущность русского масонства конца XVIII – начала XIX вв. сводилась ими в основном к литературно-просветительской и благотворительной деятельности, без учёта мистической составляющей, а также возможных скрытых политических связей и тайных намерений.

Обращение же исследователей собственно к проблеме «масонского заговора», носившее, впрочем, не столько научный, сколько публицистический характер происходит несколько позже – во время политического кризиса 1905-1907 гг. и в последующие годы, когда и происходит возрождение российского политического масонства, инициированного и далее направляемого «Великим Востоком Франции» – в интересах французской политической и финансовой элиты.

Для авторов национально-консервативного толка, видевших в «международном масонском заговоре» основную угрозу российской имперской государственности, основной целью являлось разоблачение данного заговора.

Следует, конечно, учитывать, что появившиеся в эти годы многочисленные «антимасонские» разоблачительные статьи и брошюры представителей монархического лагеря носили поверхностный, порой вовсе голословный характер, зачастую представляя собой переложения французских или немецких антимасонских памфлетов – не могут быть, соответственно, отнесены к научно-исторической литературе по масонской проблематике.

В те же годы, однако, в связи с возросшим общественным интересом к масонской тематике появляются и весьма обстоятельные, основанные на анализе различных источников, научные

исследования по разным аспектам истории масонства: к таковым могут быть отнесены работы Г. В. Вернадского, С. Д. Толь, В. И. Семевского, Т. О. Соколовской.

Следует отметить, что и для научных работ по истории масонства в тот период характерно было зачастую апологетическое или, наоборот, негативное освещение масонства как социокультурного явления – в зависимости от политических пристрастий авторов. Именно апологетический подход к масонству со стороны исследователей либерально-демократического направления – и, соответственно, негативный подход к масонству авторов национально-консервативного толка – послужил, очевидно, причиной того, что в послереволюционный период в советской исторической науке масонская тематика на долгое время оказывается закрыта.

Либерально-демократическое, так и национально-консервативное направления в ма-

соноведении и в исторической науке в целом расцениваются советскими блюстителями идеологической чистоты как «контрреволюционные», или сводятся к беглым обзорам и поверхностным оценкам в работах по истории русской культуры и общественной мысли конца XVIII – начала XIX вв. без специальных углублений в собственно масонскую проблематику.

Масонство того периода рассматривалось советскими историками в плане консервативно-утопических «литературных мечтаний» дворянской интеллигенции – как мистическое отклонение от просветительской идеологии [34 – 36]. Применительно к таким «передовым», с точки зрения советских исследователей, писателям-просветителям и общественным деятелям, как Н. И. Новиков, их принадлежность к масонству расценивалась как незначительный эпизод биографии, не определявший их мировоззрения и характера деятельности [37].

Библиография:

1. Архимандрит Фотий (Спаский). Борьба за веру. Против масонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 400 с.
2. Бутми Н.А. Каббала, ереси, тайные общества. СПб.: Тип. т-ва А.С. Суворина, 1914. 284 с.
3. Лютостанский И.И. Талмуд и евреи. М.: Энциклопедия русской цивилизации, 2009. Т. 1. 736 с., Т. 2. 704 с.
4. Нилус С.А. Близ есть, при дверях. М.: Институт русской цивилизации, 2013. 576 с.
5. Шмаков А.С. Международное тайное правительство. М.: Алгоритм, 2011. 944 с.
6. Башилов Б.А. История русского масонства. М.: Энциклопедия русской цивилизации, 2003. 640 с.
7. Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 400 с.
8. Бостунич Г.В. Масонство в своей сущности и проявлениях. Челябинск, 2015. 336 с.
9. Иванов В.Ф. Русская интеллигенция и масонство. От Петра Первого до наших дней. М., Фонд ИВ, 2008. 536 с.
10. Марков Н.Е. Войны темных сил. В 2-х кн. Париж: Изд-во князя М.К. Горчакова. Долой зло. 1928. 175 с., 192 с.
11. Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 года. Париж: Книжное дело. Родник, 1931. 236 с.
12. Череп-Спиридович А.И. Скрытая рука. М.: Самоотек, 2006. 160 с.
13. Платонов О.А. Масонский заговор в России. Труды по истории масонства. Из архивов масонских лож, полиции и КГБ. М.: Алгоритм, 2011. 1344 с.
14. Платонов О.А. Мастера государственной измены. М.: Родная страна, 2014. 368 с.
15. Платонов О.А. Иудаизм и масонство. М.: Кислород, 2016. 560 с.
16. Платонов О.А. Масоны в русской истории XX века. М.: Родная страна, 2014. 384 с.
17. Платонов О.А. Православие против масонства. М.: Изд-во Кислород, 2016. – 368 с.
18. Острецов В.М. Масонство, культура и русская история. Историко-критические очерки. М.: 1998. 720 с.
19. Аврех А.Я. Масоны и революция. М.: Политиздат, 1990. 352 с.
20. Брачев В.С. Масоны и власть в России. М.: Эксмо, 2003. 640 с.
21. Сахаров В.И. Иероглифы вольных каменщиков. Масонство и русская литература XVIII – начала XIX века. М.: Жираф, 2000. 2016 с.
22. Серков А.И. История русского масонства XIX века. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2010. 394 с.
23. Серков А.И. История русского масонства XX века. В 3 т. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2009. т. 1. 264 с., т. 2. 472 с., т. 3. 544 с.
24. Соловьев О.Ф. Русские масоны. М.: Яуза-Пресс, 2007. 544 с.
25. Старцев В. И. Тайны русских масонов: Сборник / Ред. Б.Д. Гальперина; Состав. Б.П. Миловидов. СПб.: Дарк, 2004. 320 с.
26. Багдасарян В. Э. «Теория заговора» в отечественной историографии второй половины XIX – XX вв.: критика мифологизации истории. Дис. ... д-ра ист. наук. М.: 2000. 528 с.
27. Карамзин Н. М. Записки старого московского жителя. М.: Московский рабочий, 1986. 528 с.
28. Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 тт. М.: Наука, 1977, т. 6. – 573 с.
29. Андрей Печерский (П. И. Мельников). Старые годы. М.: Московский рабочий, 1986. 544 с.
30. Ключевский В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М.: Правда, 1990. 624 с.

31. Соколовская Т. О., Лотарева Д. Д. Тайные архивы русских масонов. М.: Вече, 2007. 480 с.
32. Мельгунов С. П., Сидоров Н. П. Масонство в его прошлом и настоящем. В двух томах. М.: Задруги, 1914-1915. т. 1. 255 с., т. 2. 267 с.
33. За кулисами видимой власти. – М.: Молодая гвардия, 1984. 174 с.
34. Плимак Е. Г. Масонская реакция против материализма в России // Вопросы философии. 1957. № 2. С. 87.
35. Минц И. И. Метаморфозы масонской легенды // История СССР. 1980. № 4
36. Соловьев О. Г. Обреченный альянс: Заговор империалистов против народов России. 1914 – 1917. М.: Мысль, 1986. 256 с.
37. Макогоненко Г. П. Новиков и русское просвещение XVIII века. – М.-Л.: Художественная литература, 1951. 543 с.

References (transliterated):

1. Arkhimandrit Fotii (Spasskii). Bor'ba za veru. Protiv masonov. M.: Institut russkoi tsivilizatsii, 2010. 400 s.
2. Butmi N.A. Kabbala, eresi, tainye obshchestva. SPb.: Tip. t-va A.S. Suvorina, 1914. 284 s.
3. Lyutostanskii I.I. Talmud i evrei. M.: Entsiklopediya russkoi tsivili-zatsii, 2009. T. 1. 736 s., T. 2. 704 s.
4. Nilus S.A. Bliz est', pri dveryakh. M.: Institut russkoi tsivilizatsii, 2013. 576 s.
5. Shmakov A.S. Mezhdunarodnoe tainoe pravitel'stvo. M.: Algoritm, 2011. 944 s.
6. Bashilov B.A. Istoriya russkogo masonstva. M.: Entsiklopediya russkoi tsivilizatsii, 2003. 640 s.
7. Berberova N.N. Lyudi i lozhi. Russkie masony KhKh stoletiya. M.: Progress-Traditsiya, 1997. 400 s.
8. Bostunich G.V. Masonstvo v svoei sushchnosti i proyavleniyakh. Chelyabinsk, 2015. 336 s.
9. Ivanov V.F. Russkaya intelligentsiya i masonstvo. Ot Petra Pervogo do nashikh dnei. M., Fond IV, 2008. 536 s.
10. Markov N.E. Voiny temnykh sil. V 2-kh kn. Parizh: Izd-vo knyazya M.K. Gorchakova. Doloi zlo. 1928. 175 s., 192 s.
11. Mel'gunov S.P. Na putyakh k dvortsovomu perevorotu. Zagovory pered revolyutsiei 1917 goda. Parizh: Knizhnoe delo. Rodnik, 1931. 236 s.
12. Cherep-Spiridovich A.I. Skrytaya ruka. M.: Samoteka, 2006. 160 s.
13. Platonov O.A. Masonskii zagovor v Rossii. Trudy po istorii masonstva. Iz arkhivov masonskikh lozh, politzii i KGB. M.: Algoritm, 2011. 1344 s.
14. Platonov O.A. Mastera gosudarstvennoi izmeny. M.: Rodnaya strana, 2014. 368 s.
15. Platonov O.A. Iudaizm i masonstvo. M.: Kislod, 2016. 560 s.
16. Platonov O.A. Masony v russkoi istorii KhKh veka. M.: Rodnaya strana, 2014. 384 s.
17. Platonov O.A. Pravoslavie protiv masonstva. M.: Izd-vo Kislod, 2016. – 368 s.
18. Ostretsov V.M. Masonstvo, kul'tura i russkaya istoriya. Istoriko-kriticheskie ocherki. M.: 1998. 720 s.
19. Avrekh A.Ya. Masony i revolyutsiya. M.: Politizdat, 1990. 352 s.
20. Brachev V.S. Masony i vlast' v Rossii. M.: Eksmo, 2003. 640 s.
21. Sakharov V.I. Ieroglify vol'nykh kamenshchikov. Masonstvo i russkaya literatura KhVIII – nachala KhKh veka. M.: Zhiraf, 2000. 2016 s.
22. Serkov A.I. Istoriya russkogo masonstva KhKh veka. SPb.: Izd-vo im. N.I. Novikova, 2010. 394 s.
23. Serkov A.I. Istoriya russkogo masonstva KhKh veka. V 3 t. SPb.: Izd-vo im. N.I. Novikova, 2009. t. 1. 264 s., t. 2. 472 s., t. 3. 544 s.
24. Solov'ev O.F. Russkie masony. M.: Yauza-Press, 2007. 544 s.
25. Startsev V. I. Tainy russkikh masonov: Sbornik / Red. B.D. Gal'perina; Sostav. B.P. Milovidov. SPB.: Dark, 2004. 320 s.
26. Bagdasaryan V. E. «Teoriya zagovora» v otechestvennoi istoriografii vtoroi poloviny KhKh – KhKh vv.: kritika mifologizatsii istorii. Dis. ... d-ra ist. nauk. M.: 2000. 528 s.
27. Karamzin N. M. Zapiski starogo moskovskogo zhitelya. M.: Moskovskii rabochii, 1986. 528 s.
28. Pushkin A. S. Sobranie sochinenii v 10 tt. M.: Nauka, 1977, t. 6. – 573 s.
29. Andrei Pecherskii (P. I. Mel'nikov). Starye gody. M.: Moskovskii rabochii, 1986. 544 s.
30. Klyuchevskii V. O. Istoricheskie portrety. Deyateli istoricheskoi mysli. M.: Pravda, 1990. 624 s.
31. Sokolovskaya T. O., Lotareva D. D. Tainye arkhivy russkikh masonov. M.: Vechе, 2007. 480 s.
32. Mel'gunov S. P., Sidorov N. P. Masonstvo v ego proshlom i nastoyashchem. V dvukh tomakh. M.: Zadrugi, 1914-1915. t. 1. 255 s., t. 2. 267 s.
33. Za kulisami vidimoi vlasti. – M.: Molodaya gvardiya, 1984. 174 s.
34. Plimak E. G. Masonskaya reaktsiya protiv materializma v Rossii // Voprosy filosofii. 1957. № 2. S. 87.
35. Mints I. I. Metamorfozy masonskoi legendy // Istoriya SSSR. 1980. № 4
36. Solov'ev O. G. Obrechenniy al'yans: Zagovor imperialistov protiv narodov Rossii. 1914 – 1917. M.: Mysl', 1986. 256 s.
37. Makogonenko G. P. Novikov i russkoe prosveshchenie KhVIII veka. – M.-L.: Khudozhestvennaya literatura, 1951. 543 s.